

картина в общих ее чертах оказывается иной. Начну с того, что абсолютное большинство текстов, традиционно относимых к древнерусской художественной продукции, полностью или почти полностью лишено цвета. Это относится к анонимному Сказанию о Борисе и Глебе, ораторской прозе Кирилла Туровского, к «Слову о погибели Руския земли» и Житию Александра Невского, Повести о разорении Рязани, Сказанию о Мамаевом побоище, к повестям о Петре и Февронии, о посаднике Щиле, о Тимофее Владимирском, о Дракуле, Слову о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, Сказанию о Вавилоне-граде и очень многим другим произведениям (избираю так называемые «лучшие» произведения; не касаюсь творчества XVII в. — периода переходного, обладающего специфическими чертами, которые во многом позволяют относить его к новой эпохе).

Как объяснить это явление? Мне кажется, что оно может быть истолковано на основе общих представлений о законах средневековой поэтики. В самом деле, где скорее всего следует предполагать наличие цвета, исходя из опыта новой литературы? В портрете и пейзаже, которые часто бывают «окрашенными», в частности в русском классическом романе. Типичные образцы древнерусского портрета и пейзажа вступают с ними в резкий контраст.

Александр Невский в его Житии изображается так: «Взор его паче инех человек, и глас его — аки труба в народе, лице же его — аки лице Иосифа, иже бе поставил его египетский царь втораго царя в Египте. Сила же бе его — часть от силы Самсоня. И дал бе ему бог премудрость Соломону, храбрство же его — аки царя римскаго Еуспесиана, иже бе пленил всю землю Иудейскую».¹⁵

В дополнительных статьях к анонимному Сказанию о Борисе и Глебе («О Борисе, как бе взором») портрет Бориса таков: ¹⁶ «Съ убо благоверный Борис, блага корене сый, послушьлив отцю бе, покаряся при всемь отцю. Тельм бяше красн, высок, лицъм круглъм, плечи велице, тьнък в чресла, очима добраама, весел лицъм, борода мала и ус, — млад бо бе еще, светяся цесарьскы, крепък тельм, всячьскы украшен, аки цвьт цвьтый в уности своен, в ратъх хъръбр, в съветех мудр и разумьн при всем, и благодать божия цвьтяаше на нем».

Наконец, пейзаж из «Хождения игумена Даниила»: «Иорданъ же река течет быстро, бреги же иматъ обон пол прикруты, а отсуду пологы. Вода же мутна велми и сладка пити, и несть сыти пиюще воду ту святую; ни с нея болеть, ни пакости во чреве человеку. Всем же есть подобен Иордан к реце Сновстей и вшире, и в глубле, и лукаво течет и быстро велми, яко же Снов река. Вглубле же есть 4 сажень, среди самое купели, яко же измерих и искусих сам собою, ибо пребродих на ону страну Иордана, много походихом по брегу его. Вшире же есть Иордан, яко же есть Сновъ на устии. Есть же по сеи стране Иордана на купели тои, яко леси древо невысоко, яко вербе подобно есть, выше купели тоя на брегу Иордана стоит яко лозие много, но несть яко же наша лоза, но некако аки силажи подобно есть. Есть же и тростие много; болоние иматъ яко Сновъ река. Зверь мног ту и свинии дикни бесчисла много, и пардуси мнози, ту суть львове же. Обон пол Иордана горы высокия каменныя и суть подале от Иордана. А под теми горами другыя горы близъ суть белы, и ты суть близъ Иордана. . .».

¹⁵ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 160—161.

¹⁶ Тексты даются в упрощенной транскрипции.